

Литургическое богословие о. Павла
Флоренского.

/тезисы доклада/

В сегодняшней России о. Павел Флоренский — один из самых любимых писателей и религиозных философов начала века, наверно, самый чтимый. Это связано, конечно, в первую очередь, с явлением религиозного возрождения среди русской интеллигенции, с обновленным взглядом на жизнь Православной Церкви, с поразительным цветением православного культа, о красоте которого так проникновенно и восторженно писал о. Павел.

Книга Флоренского "Столи и утверждение Истин" захватывает и покоряет. И все же нельзя не вспомнить о "психологическом" портрете, который дается этой книге Бердяевым:

"Эта изысканная книга, столь умная, столь ученая, лишена всякого вдохновения. Священник Флоренский не может сказать ни одного слова громко, сильно, вдохновенно. Слишком чувствуется счеты с собой, бегство от себя, боязнь себя. Все кажется, что св. П. Флоренский — оторвавшийся декадент и потому призывает к бытовой простоте и естественности, — духовный аристократ и потому призывает к церковному демократизму, что он полон греховных склонностей, к гностицизму и оккультизму и потому так неприменно мистребляет всякий гностицизм и оккультизм. Можно подумать, что лишь только даст он себе маленькую волю, как сейчас же породит неисчислимое количество ересей и обнаружится хаос. Искусственность и искусство чувствуется во всем."

О. Павел не дал себе этой "маленькой воли". Но это сделали за него его современные почитатели. То, что у Флоренского было лишь формой, у них заняло место основы,

стилизация обратилась стилем, а зыбкий и утонченный эстетизм о. Павла вдохновляет иные различные його-окультурные течения и его сброшенная психологическая маска обнажает демонический лик.

60 лет господства атеистического и материалистического мировоззрения не прошли для России даром. Мы отвыкли от самых естественных и необходимых вещей. О. Павел писал о ситуации, в которой оказался современный человек: "Весь мир пронизан магическими и мистическими силами, и нет вещи, которая не была бы опутана сетями мага. Сами боги владеют всем потому, что знают имена всего, их же имен никто не знает. Но узнайте их имена — и боги окажутся во власти человека." /"Общечеловеческие корни идеализма"/.

Таково собственное мироощущение "среднего" человека в его психологически-субъективной достоверности. Но по существу это картина заколдованного мира — картина неполная: нет в мире этого удручающего и безвыходного детерминизма, а есть "духовная брань", не все "опутано сетями мага" есть и свобода, и христианин никогда не теряет этой свободы. Он занимает не безвольную позицию жертвы, а активную позицию воина Христова, он ведет борьбу не с анонимным злом, а с личным, ибо дьявол и слуги его, теряя ангельский лик, не теряют личины.

О тяготении к религиозному материализму в философии о. Павла писал все тот же Бердяев. Он упрекал о. Павла: "Для св. Флоренского христианство все еще не бого-человеческая религия, в нем все еще есть ... монофизитский уклон." "Хочется вырваться из книги Флоренского на свежий воздух, в ширь, на свободу, к творчеству свободного духа человеческого." О том, как понимает эту свободу Бердяев, скажем в другой раз.

Нельзя не признать, однако, что упреки, сделанные им здесь Флоренскому, справедливы. Картина православного быта становится у о. Павла подчас и впрямь "удручающей".

Здесь все опутано роковыми связями и "приговорами". Здесь каждая вещь находится в плену у своего прошлого, околдована властью "кари". Прежде, чем жить, необходимо "расколдовать" весь мир, поэтому у о. Павла обряд-повсюду: "нет определенных границ обряда: начинаясь Таинством, исходит, петясь и расчленяясь, в жизнь храмовую, затем — в быт, в строение культуры и далее, подобие тончайшим полоскам и усикам, поров — еле — или совсем невидимым, впивается в недра земли, в жизнь космическую... по существу обряд есть все..."

Все заранее освящено или околдовано, нет автономности ни в мире вещей, ни в мире человека.

Здесь измученная мысль о. Павла вливается в общее наполненную языческими представлениями непросвещенных старушечьих масс. Вспоминаются все темные стороны отечественного православного быта: недоверчивые лица, скованные постоянным страхом оказаться жертвой дурного глаза или порчи, обличения в колдовстве, чудовищная система запретов, которая до мелочей регламентирует жизнь и делает ненужным Евангелие.

Но человек — не пассивный медиум, пребывающий постоянно во власти каких-то посторонних сил. Подвиг святости в христианстве возможен только потому, что человек свободен, что он, хотя бы в некоторой степени, является творцом судьбы.

Е можно согласиться, когда о. Павел пишет о культе: "Здесь проходит ось мира." Но нельзя согласиться с тем, что вне культа — "существование животное, бессознательное и рабство стихиям..." Законы пневматологии не всегда совпадают с законами экклезиологии. А это значит: Дух Святой животворит и в природе, и в культуре, им глаголюми не только пророки, но и языческие поэты: "Святым Духом всякая душа живется."

Дух святой может оживлять и душу Канта, о котором

Флоренский писал: "В Канте осознано себя все, что было вне культа — и против культа, т.е. вся европейская мысль, все движения Европы, не только философские, но религиозные и научные и так далее, образующие своей совокупностью "гуманизм", и в его лице воля быть одному, воля к автономии и онтологической самостоятельности, но воля может быть иногда и благой волей, ибо раскрывает смысл того, что есть свобода, является откровением о человеческой природе во Христе.

У о. Павла мы встречаемся с антитезой: сакральное-профаническое. Антитезу эту следует понимать так, что все профаническое должно освещаться и становиться сакральным. Емелян анализировал подобное явление и отнес его возникновение к влиянию языческих мистерий. Первоначальное христианство не было в такой степени "культовым" и "храмовым". Первомученик Стефан говорит в своей речи: "Всевышний не в рукотворных храмах живет". Но позднее, когда христианство стало "государственной" религией, необходимо было привлечь на его сторону большую массу языческих племен и народов. Тогда-то развился этот сильный мистериальный "привкус" (ибо языческий культ — это прежде всего культ мистериальный). Для первоначального христианства самое важное — смысл, и прежде всего смысл центрального События — Воскресения Господа, ибо без Воскресения "тщетна вера наша". Если приложить эти размышления Емеляна к богословию Флоренского, то становится ясным, что о. Павел делает упор на сакральное и в этом смысле продолжает развивать мистериально-культовое направление в православии.

Но в наше проникнутое таинственностью и анонимностью время необходимо помнить, что в христианской мистериальности содержится высший и спасительный Смысл, раскодировать обезбоженный мир можно лишь став свободным христианином, христианином вполне осознающим свое призвание и несущим всю полноту ответственности за себя и свое время.